

19 НОЯ 1973

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

РАСКРЫВАЯ СУТЬ ОБРАЗА...

Зрительское признание у многочисленной аудитории — театральной и кинематографической — неизменно сопутствует творческой жизни Е. З. Копеляна, народного артиста СССР.

И все же после демонстрации многосерийного телевизионного фильма «Семнадцать мгновений весны» успех актера у зрителей превзошел всякие ожидания. Это тем более удивительно, что на этот раз он на экране не появлялся, но незримое присутствие оказалось необыкновенно действенным и активным. После фильма Г. Чухрая «Память» выяснилось, что за кадром исполнение может стать важным направлением творчества Е. Копеляна, что он далек от бесстрастного комментаторства и за кадром играет роль определенного по общественной позиции человека, активно отстаивающего свое отношение к происходящему. «Каждое произведение, — утверждает артист, — требует разного закадрового исполнения. Здесь может идти речь и об откровенно публицистическом пафосе, и о размышлении, раздумье. Во время озвучивания фильма «Семнадцать мгновений весны» потребовалось много дней на «вживание» в происходящее на экране — ведь без такой сопричастности к событиям невозможно была бы работа над текстом». Мягкая и пронизательная доверительность интонации актера словно и возникает специально для того, чтобы приобщить зрителя к событиям, происходящим на экране.

В этой связи вспоминается одна из обаятельно публицистических театральных работ актера — небольшая роль честного американца Раймонда Роббинса в спектакле «...Правду! Ничего, кроме правды!» Мужество не болящегося сказать правду и остаться самим собой человека возводило Копеляна в стеньгу высокого нравственного призвания, органической потребности личности.

Е. Копеляну выпала счастливая судьба — вся его творческая жизнь связана с Академическим Большим драматическим театром имени М. Горького. Здесь он родился как художник и здесь достиг зрелости. Копелян принадлежит к тем актерам, для которых внутреннее раскрытие художника может состояться лишь через творческое взаимопонимание со зрителями. Только в этом двуедином процессе актер становится подлинным выразителем жизненной правды. Встреча с режиссурой Г. А. Товстоногова оказалась для актера в этом смысле определяющей — она дала ему уверенность в себе, внутреннюю свободу, чувство высокого удовлетворения.

За последние десять-пятнадцать лет Е. Копелян сыграл в театре и кино самые различные роли, которые можно было бы объединить только внутренним поиском самого актера. Жизнь его героев на сцене и на экране всегда отмечена глубиной мысли, той подкупающей пронизательностью, которая придает всему их существованию непрерывно возрастающую внутреннюю напряженность. Вспоминаются не только его давние работы, такие, как комиссар Меркулов из «Метелицы» или Балтиец из «Гибели эскадры», но и такие, как Вершинин в «Трех сестрах» или Дорн в фильме «Чайка». Ничем как будто не похожа судьба якобы свободного Джима Тайрона из спектакля «Луна для псынок судьбы» и скованного цепью Джексона из постановки «Не склонившие головы». Но в очень важном они были у Копеляна сходны. Люди,

живущие в буржуазном мире, предстают в изображении актера во всем драматизме их судьбы, их не всегда выраженного, но полного внутренней энергии протеста.

У художника с таким обостренным чувством жизни, как Копелян, должны были сложиться и сложные особые, живые и требовательные отношения с современником. Создавая образ человека наших дней, он ищет в нем прежде всего беспокойную мысль, стремится проникнуть в его внутренний мир для того, чтобы понять его место в жизни, определить свое отношение

к нему. Даже в ролях ученого Берга из «Счастливых дней несчастливого человека» и режиссера Каменева из «Традиционного сбора», которые не давали актеру возможности развернуться в этом направлении до конца, Копелян выступает как мастер человековедения, глубоко заинтересованный в своем современнике, готовый оказать ему, если тот ее заслуживает, активную духовную поддержку. Несомненной актерской удачей последних лет стала роль фабриканта Саввы Морозова, поначалу сыгранная Копеляном в кино, а затем как бы заново родившаяся в спектакле «Третья стража». Актер играет в Морозове порывистость мятежной души, которая привела его в художественные кружки переломной русской интеллигенции, а позже вплотную приблизила к революционному движению.

Морозов—Копелян появляется на сцене в ореоле той беспечной экстравагантности, уверенности в себе и снисходительности к окружающим, которые может позволить себе один из самых богатых людей России. Поначалу Морозову кажется притягательной захватывающая острота ситуаций, возможность открыто высказывать пренебрежение ненавистному полицейскому режиму, помогая конспираторам. Но актер словно для того специально и насаждает эти чисто внешние краски, чтобы впоследствии с тем большей яркостью прорваться к глубинам характера, вскрыть изнутри сложный и мучительный процесс нахождения героем самого себя. Постигание смысла жизни неотделимо у этого человека от поисков высокого нравственного идеала, представление о котором ограничено в его сознании причинами классового и социально-психологического характера. Оттого мраком окутано для него будущее, и, страшась его, он предпочитает сам свести счеты с жизнью. В образе привлекает не только умение артиста органично играть процесс развития характера, но играть его по нарастающей шкале, по линии накопления внутреннего драматизма. Для Е. Копеляна, по его словам, в характере «важнее всего его незаданность, скорее даже неожиданность свершающихся с ним превращений, когда человек к концу действия становится чуть ли не своей же противоположностью». Речь идет о далеко запрятанной глубинной сути образа, раскрытие которой становится смыслом актерского поиска.

Е. Копелян — актер без жанровых ограничений, и эту свою многогранность он охотно декларирует, возводит в художественный принцип. Но и в своих комедийных персонажах Копелян отыскивает прежде всего не комическое, а драматическое начало. Достаточно вспомнить маленькую, но необыкновенно изящно исполненную роль Платона Михайловича Горича в спектакле «Горе от ума».

Год назад актер вновь подтвердил свою готовность самовыражаться через смешное: в температурной и сочной, как полотна Пиромани, комедии «Ханума» Копелян создает образ авлабарского купца Микича. Это не первое обращение актера к национальному характеру. Ленинградские зрители хорошо помнят его угрюмого, но по-детски чистого и доброго Иллариона в спектакле «Я, бабушка, Илико и Илларион». На другом материале и в иной театральной стилистике играет он Микича Котлярица, грузинского мещанина, стремящегося во дворянство. И снова смягчена актерская палитра: никакой нарочитости в обыгрывании комедийных ситуаций, ни малейшего нажима в изображении надутого невежды.

Вместе со зрителем актер весело вершит суд над своим героем, иронизирует над его чванливыми мечтами о титуле, посмеивается над его доверчивостью, нигде не переходя к откровенному разоблачению, органично подчиняясь законам жанра, предложенного режиссером. Как и в работе над образом Иллариона, Копелян ищет в своем герое прежде всего общечеловеческое, а отыскав, облекает в точную по краскам национальную форму.

Работа в кинематографе сравнительно давно заняла в жизни актера равное с театром место. В целом ряде картин, таких, как «Бабье царство», «Николай Бауман», «Даурия», ему удалось создать образы, которые принесли творческое удовлетворение. Однако жизнь Копеляна в кино складывалась по-разному, зачастую кинороли не оставляли значительного следа в биографии актера. Причин тому было много: и подчас несовершенство сценарного материала, и порой нечеткость режиссерского замысла, и, наконец, своеобразие требований, предъявляемых к роли творческой индивидуальностью Копеляна. Актер внутреннего, а не внешнего перевоплощения, он способен воссоздавать прежде всего напряженную «жизнь человеческого духа». О героях его можно было бы сказать, что их объединяет незаурядность и отчасти даже исключительность характеров.

Распутывание сложных психологических коалиций, мучительный и радостный процесс самопознания — темы, созвучные творческому складу актера. Оттого из всех сыгранных киноролей он сам для себя прежде всего отмечает те, в которых состоялась встреча с внутренней неисчерпаемостью великой классической литературы, с тревожной и пульсирующей авторской мыслью.

В произведениях классиков, в спектаклях и фильмах на современную тему Копелян неизменно стремится быть выразителем самых актуальных идей своего времени.

Снова и снова на сцене театра, в кино- и телефильмах мы видим актера, неутомимая мысль и неисчерпаемая фантазия которого обещают зрителям радость новых открытий.

Творческий поиск продолжается.
И. СОКОЛОВА